

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
П29

*Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Кирилл Прокофьев*

Петков В.

П29 Хибакуша. Сборник. — М.: ИД «Городец», 2020. —
288 с. (Серия «Ковчег».)

С мая по июль 1986 года Валерий Петков работал в «Черной Зоне» ЧАЭС в качестве заместителя командира роты радиационно-химической разведки. Большой удачей автора книги можно считать редкое сочетание достоверности и художественности одновременно. «Хибакуша» — роман о первых, самых трагических днях и неделях после катастрофы на Чернобыльской АЭС: о подвиге и предательстве, преступной халатности и благородном самопожертвовании, о верности и вероломстве, о любви и Боге.

Помимо романа, в сборник входят повесть «Гита» и рассказы. Пытливое постижение огромного мира вокруг, первые открытия, переживания на пути взросления и самоутверждения — таковы темы повести и рассказов Валерия Петкова. Внешне простые, наполненные очарованием новизны, обаянием детскости, они притягивают читателя на свою орбиту, делая его добрее.

ISBN 978-5-907085-27-5

© В. Петков, 2020

© ИД «Городец», 2020

ХИБАКУША

Междусобойчик на работе по случаю Дня Победы затянулся.

Домой заявился в седьмом часу и конечно же получил нагоняй. Потом расчмокались, жена поморщилась, перегар уловила, жидкая пудра блеснула неровным слоем на крыльях носа. Смолчала, но всем своим видом дала понять, что осуждает.

Дочь стала прыгать на руки от радости, вертелась маленькой обезьянкой, смеялась.

Я тоже был рад, смеялся громко, до слез, в сторону дышать старался, но что-то мешало окончательно расслабиться и быть вместе с семьей.

Квартира новая, кооперативная, всего-то два года как въехали, отшумели несколько новоселий, еще не надоела, было и что-то недоделанное, но именно сегодня меня не тянуло домой, как в другие дни. Потому и задержался, хотя знал, что жена ждет, собирается.

Все уже было приготовлено, через десять минут я взялся за ручку, чтобы открыть дверь и выйти. Жена в новом сарафане «Монтана» цвета болотной травы, фирменные лейблы на всевозможных местах красуются — целый мой оклад моряку заграники на него «спалили». Сегодня — первый выход, повертелась — мол, как, глазоньками похлопала вверх-вниз для эффекта. Дочка в

клетчатой юбочке — бордовой с темными полосами, кофточка с рюшами, колготки белые с двумя бомбошками у колен, косички тугие заплетены... Коленочки смешные, обцарапанные, но чистые и темнее, чем ножки, может, оттого, что торчат и ближе к солнцу?

Я загляделся на них, улыбнулся:

— Страшная сила — красота! Просто разрушительный термояд! — сделал огромные глаза.

Раздался долгий звонок в дверь. Мы с женой вздрогнули вместе, переглянулись — кто же это мог быть?

На пороге стояли двое мужчин. Рубахи светлые навыпуск, льняные, карманчики по бокам, у пояса. Странные, как с женской кофты, пристроченные крупным стежком, воротнички отложные, какие-то веточки вышиты по уголкам. Что-то старушечье было в этом странном фасоне мужских рубашек.

У одного рубашка желтого цвета, у другого в голубую, едва различимую крупную клетку. При несхожести фигур оба смотрелись почти одинаково. Явно отставные военные. Отвыкли за многие годы от каждодневной «гражданки». Кисти рук темные, клинышком загар на груди.

— Здравствуйте.

— Здравсьте, — засмеялась дочь.

— Петраков Владимир Викторович? — достал из дерматиновой коричневой папки бумажку тот, что был поближе, с серебряной густой шевелюрой, слегка полный.

— Это я. Вы проходите. Через порог общаться — плохая примета. Что случилось? На нас напала Дания?

— Ничего особенного, — ответил первый без улыбки.

— О! — заулыбался второй из коридора. — Да вы еще и в приметы верите!

Шагнули вперед и оказались в прихожей.

— Вам повесточка. Срочно надо поменять мобилизационное предписание. Офицерам запаса персонально разносим. Остальным — в почтовый ящик. Уж извините — учения, всем одни неудобства... Временные, знаете ли.

«Повесточка» — словцо, уменьшенное суффиксом, красная полоса наискосок — насторожили.

Я знал, что, получив такую повестку, надо немедленно явиться в военкомат.

— Чего так срочно-то? — с тревогой спросила жена. — Все-таки праздники как-никак.

— Это недолгая процедура, уверяю вас. Одну бумажку вынут, другую вклеят в военный билет. Формальность. Семь минут делов-то. — Первый руками показал, как это сделают, а сказал равнодушно второй, пониже ростом, глаза темные, худощавый, наэлектризованный, глаза отвел в сторону, словно бы ему уже надоело объяснять и показывать в который раз такое простое дело. — Вот тут распишитесь в получении.

Подтиснул листок, ткнул в нужную строку.

— Я бы посоветовал сегодня этот вопрос закрыть, потому что после праздника будет в военкомате настоящее столпотворение. Большие учения, на уровне Прибалтийского округа, — строго глянул первый. — Вам же спокойнее.

Вроде бы и не приказал, но акцент сделал.

Я взял в руки повестку, рассмотрел ее, но ничего интересного не увидел. Сложил, сунул в карман рубашки.

Сходил в большую комнату, достал из секретера военный билет. Вернулся. Квартиру оглядел перед тем, как на ключ закрыть. Такой она вдруг показалась сейчас большой, уютной, но в мгновение ставшей чужой, и именно сейчас мне совсем расхотелось уходить. Даже к тестю, к праздничному накрытому столу. Лечь на диван и валять дурака у себя дома.

Задело внутри неприятно.

«Что-то я перемудрил с нетрезвой-то головы», — грустно подумал и вытер лоб.

— Ну, что ты там закопался? — спросила жена.

Мы вместе спустились в лифте, дочка пряталась за спину жены, на суровых дяденек поглядывала.

А дяденьки пошли к соседнему подъезду плечом к плечу. Молча, сосредоточенно, и только привычно поймали шаг под левую ногу, плечи распрямили, сами того не замечая.

«Двое из ларца». Со стороны забавно, но не смешно, а немного страшновато отчего-то.

Что-то было злое в этой суровой, решительной поступи.

Мы с женой до перекрестка молча дотопали, дочка между нами, держала за руки, снизу вверх посматривала то на маму, то на папу. Родной человек, повисеть норовила, покачаться на руках, пригибая родителей к себе, смеялась.

— Ну что? Сгоняю, может быть... наскоряк? — спросил жену. Похлопал рукой по карману под курткой, где военный билет лежал.

Она уткнулась лицом мне в грудь, руки на плечи положила, обреченно, тихо всхлипнула, почти неслышно. Это движение поразило меня и расстроило окончательно.

Потом заплакала молча, по-настоящему, слезы из глаз брызнули.

— Да я и впрямь быстро! Чего тут — пять остановок туда да шесть назад. И сразу к вам... к столу. На штрафную рюмаху...

Стало невыносимо больно стоять перед женой, надо было что-то сделать сейчас, стряхнуть оцепенение целого дня, вырваться из непроходящего сонного гипноза, утвердиться... в чем?

— Мам, ты чего? — захныкала дочь, прижалась к коленкам, сарафан новый потемнел от слез, бант несуразный торчал, головы не видно, косицы снизу круглятся. — Вы что, с папой поразругались, да?

— Нет, доча, мы с мамой не ссоримся. И даже не собираемся ссориться вообще! Вперед! На пятьдесят лет вперед!

— Ну, не реви, — смахнула крупные слезы жена, — папа скоро вернется, приедет к бабушке. А мы его там будем ждать. И снова будем все вместе.

Троллейбус с перекрестка тронулся к остановке.

Я резко рванул, влетел запыханный, даже собственный перегар уловил в пустом салоне.

Закачало меня, понесло, будто на гребне волны, вскидывая на неровностях асфальта, по обезлюдевшему городу.

Успел.

Оглянулся.

Жена крепко держала дочь за ручку, а та головенку наклонила, словно к чему-то прислушивалась, смотрят вслед внимательно и растерянно. Пустынная улица. Светофор мигает бесполезно, с тупым постоянством, перед свободным перекрестком.

Сглотнул, покарябало наждаком сухое горло.

«Который час?» — глянул на пустое запястье.

Часы забыл в ванной, когда мыл руки после прихода домой.

Отвернулся к кабине водителя, полез за талончиком в карман. Вдруг увидел в руках складной зонтик.

Зачем? Когда он оказался у меня в руках? И почему жена этого не заметила, не сделала по обыкновению замечания?

Сунул с досадой под мышку, и неожиданно получилось больно и обидно.

«Членовредитель!» — подумал про себя зло.

* * *

...Перед военкоматом большущая толпа перекрыла неширокую улочку. Гул, волнение, постоянное движение людей. Мелькают встревоженные женские лица, грустные, заплаканные. Военный билет изучили, внутрь запустили через вертушку. Дворик небольшой. Забор каменный, похож на восточный дувал.

Регистрировали на вахте и больше уже никуда не выпускали. Накапливали на заднем дворе военкомата, за высоким белым забором, преодолеть который было немислимо, даже встав на плечи какого-нибудь доброхота. Впрочем, мыслей таких и не было у меня, а скорее так — по мальчишеской привычке оценил высоту забора.

Все мы родом из детства.

Незаметно стемнело. Тогда нас провели в вестибюль, потом в длинный коридор на втором этаже, построили, списки вновь проверили, в который уже раз.

Решетки на окнах — обратил внимание, хотя и не высоко. Почему подумал об этом?

Потом сразу загрузили в старенький пазик. Автобус бойко побежал по пустынному городу, выскочил на окраину, на берег большого озера, обогнул его, мимо каких-то дачных домиков, в полк гражданской обороны.

Я бывал здесь однажды на трехдневных курсах «Выстрел» как офицер запаса. Тогда кого-то то и дело ждали, время шло, занятий не было, сидели в классе, смеялись, много курили, валяли дурака откровенно.

Так и не поняли смысла тех сборов.

Для «галочки», но с сохранением средней зарплаты по месту работы.

Запасников было много, даже стояли в проходе. Толком никто ничего не знал. Говорили, что начинаются окружные учения, будет большая «война» и маневры, приедет

министр обороны, даже не один, а дружественные страны соцлагеря тоже пришлют своих наблюдателей — маршалов и генералов.

Пьяных не было. Несколько человек в канун праздника были слегка выпивши, но многие пришли с повестками сразу после работы, чтобы поскорее уладить формальности, как и обещали гонцы, и три праздничных дня провести спокойно, не отпрашиваясь потом с работы. Видно, вербовщики были опытные, многих уговорили это сделать сейчас.

Народ был разный. По возрасту около и после тридцати. Тех, что постарше, было не много, но они сразу выделялись полным отсутствием выправки и вислыми подушками мирных животов. Хотелось глянуть им на ноги — может быть, там домашние тапки?

Был поздний вечер, но в части наблюдались большое движение, суета, окна штаба светились ярко-желтым светом в холодноватом воздухе первых майских дней. Потом и он исчез за плотной светомаскировкой кабинетов.

Фонарики замелькали светляками тут и там, словно следопыты укладывались на ночлег в вигвамы из хвои.

Приехавших первым делом построили, занесли в списки и отпустили к полковой курилке — большая бочка, врытая в землю, лавочки полукругом, проход со стороны штаба и беспрестанно мелькающая дверь, люди в форме снуют туда и обратно.

Курили много, слонялись, чего-то ждали, начали как-то знакомиться, негромко переговаривались, вспоминали срочную службу — как не вспомнить! И крутились эти разговоры вокруг прежних «подвигов», лихих самоволок с «телочками», «гауптической» вахты. Одним словом, вокруг приятных воспоминаний, теперь же, по прошествии времени — остроумных от собственной находчивости и

веселых. Гусарских даже. Как анекдоты или истории в случайной компании рассказывают — примерно так.

В бочке вяло тлели обрывки каких-то бумаг. Огонь лизал края толстых пачек, едкий дым лез в глаза, меняя направление.

Лица снизу резкими бликами коротко от центра подергивались, искажались странной мимикой, меняли выражение, становились другими. Даже и не по-военному, скорее по-походному все это смотрелось.

В полумраке и дальше, в темноте высоких сосен, мелькали беспокойные тени.

Ясности не было, и атмосфера становилась тревожной.

Но странное дело, я вдруг успокоился. Так бывает, когда глянешь на дорогу, увидишь, как далеко она может завести, и понимаешь, что единственная возможность ее пройти — принять такой, какая она есть: все ее ухабы, рытвины. Ведь другой-то нет.

— Обещали обмундировать с вечера, — чей-то голос из полумрака.

— Кормить сегодня будут? Чего-то голодно. Только на стол глянул, слюни пустил, а тут под белые ручки и вывели! Страна в опасности, блин!

— Да, обещали. Списки утрясут, поставят на все виды довольствия и поведут.

— Н-да. На все виды удовольствия.

— Удовольствия закончились! Забудьте о них! Хана, ребята! Ох, чую, жопа подкралась, бойцы! Размером с это озеро. Новости кто смотрел? Че там, в стране? Какая политическая обстановка?

Оказалось, что смотрели многие, но ничего не высмотрели.

Озеро серебрилось в лунном свете внизу, между высоченных сосновых стволов, забор под бугром не мешал любоваться этой картиной. Переплыть этот рубеж было

невозможно, да и солнце майское воду еще не прогрело. Этот вариант отмели сразу. Красоту не замечали. Лес и лес!

Ночь. Одна радость — короткая в мае. Может быть, грядущий день принесет ясность? Конечно! Да кто же знает — не лучше ли эту ночь продлить подольше. Вдруг она — невеселая, последняя?

— Ты не паникуй, братан! Хорошо, что не в зиму призывали. Я как-то попал на сорок пять суток! Целый день в снегу барахтаемся, промокнем до трусов. В палатках колотун, толком не просушиться... пайка застывает мгновенно. Буржук наставили, вокруг портянки поразвесили, дневальный... чудило, уснул! Так палатка как порох — за три секунды полыхнула, и не стало палаточки на двадцать бойцов. Еле успели выскочить в кальсонах... Как Зоя Космодемьянская. — Засмеялся неожиданно: — По снегу босиком драпанули! А к лету-то ништяк! Прокантуемся незаметно... Грибы да ягоды... Отоспимся, нагуляем брюхо к зиме!

— До лета еще месяц.

— А все равно не зима!

Повздыхали. Приумолкли, каждый со своими мыслями, переживаниями, наедине с неизвестностью, переполненные горьким табачным дымом.

В часть продолжали подвозить все новые и новые партии запасников. Глубокой ночью построили на полковом плацу, еще раз списки сверили. Кого-то уже недосчитались, потому что приписной состав по ведомству военкомата был самый свежий, а в часть давно никого не привлекали на сборы. Была неразбериха, несмотря на неторопкую дотошность военных и кажущуюся основательность.

Поротно повели переодеваться. Выдали каждому по вещмешку. Там все необходимое для каждого. «Гражданин» в мешок сложили, сдали в специальную каптерку. Взамен — жетончик с номером, таким же, как на мешке,

чтоб забрать потом, не перепутать по возвращении. Сержант оценивал с одного взгляда, цепко глазами пробежал, вписывал в журнал ФИО, в кучу позади себя метал не глядя. Приличная уже куча поднабралась.

И он на вершине этой кучи. Гордый и важный. Каптенармус в цейхгаузе! Только слов он таких и не знает во все. Прикидывает, сержант-жлобяра, что бы стянуть по лучше к дембелю, да и выкроить на этом, поделиться удачно с такими, как и он, жлобами!

— Гляди — шея голая, как у стервятника, чтобы башку в жопу жертве удобней засовывать и пировать, объедаешься вкусной требухой... — тихо сзади сказали.

— А я думаю — че у них шея такая голая! — удивился кто-то в ответ.

Я отвернулся, слишком явственно все это представил.

Деньги оставляли при себе — купить пасту, щетку, материал для подшивки подворотничков.

Баня холодная, скорее покойницкая, просто чтобы на улице не переобмундировываться.

Больше свою любимую синюю ветровку я так и не увижу.

И джинсы, и рубашку — тоже. Да и зонтик. Удобный, компактный — привыкаешь к вещам.

После возвращения будет в этой каптерке полный бедлам развороченной, разворованной гражданской одежонки. Жалкой, никчемной, истоптанной кирзачами. Горы ее на полу, вокруг пустые полки деревянные и где-то далеко — сержант-мародер с друзьями-дембелями. Но той ночью все это смотрелось солидно, с бирочками, организованно.

И с кого — спрос?

* * *

Стояли в строю, переговаривались сперва тихо, потом гул стал нарастать, говорили уже в полный голос,

командирам в центре плаца было трудно сосредоточиться, тогда оттуда доносилось зычное:

— По-олк, рывня-я-я-йссс! Мир-рна!

Поворачивали головы направо, ненадолго становилось тихо, но вскоре все опять повторялось. Несерьезно, как на школьной линейке.

Форма, старая, лежалая и сильно мятая, пахла затхло-стью, плесенью. Темно-зеленая, почти черная, галифе широ- роченные, противогоаз в карман сунешь, и незаметно будет со стороны. Новенькие портянки, белоснежные, мягонькие по-домашнему, как детские пеленки, кирзовые сапоги — подошва какая-то странная, словно старые шины после наварки, заусенцы торчат отовсюду усами рыбы с плоской мордой, так и хочется их пощипать, удалить.

— Вопросы есть?

— Разрешите обратиться?

— Обращайтесь.

— Можно идти домой?

— Отставить! Почему вопрос?

— Меня не назвали.

— Как фамилия?

— Петраков Владимир Викторович, лейтенант запаса. ВУС номер...

— Сейчас уточним. Ах да! Вот! Нашел! Идете в распо- ряжение капитана Бармина. Рота РХР.

* * *

Выдали матрацы, подушки твердокаменные, с плот- ными кулаками старой ваты внутри свободного простран- ства грязноватой полосатой ткани.

Одеяла. Синие, с тонкими белыми полосками по низу, линючие. Ворс скатывался скрутками, липли они к форме мелким репейником, даже с сапог их было не отклеить, и

казалось, что от них вовсе не избавиться. Вот такая весенняя линька синих одеял.

— А где же пугающее слово «ноги»? — поинтересовался какой-то остряк, поворачивая на свету облезлое одеяло.

— Тут... это — хорош мне умничать! И так от вас калган вспухает! — заорал сержант.

Морда красная, изрытая старыми прыщами, как передовая окопами.

Серая картофельная масса под названием пюре, по виду — подмоченный цемент, небольшими кучками из котлов переместилась в миски алюминиевые и по большей части так там и осталась.

Ели в основном разваренную рыбу, шкурку с перхотью чешуи убирали. Подгорченная сладинка черного хлеба — давно не ел. Чай с белым хлебом.

Коричневый такой чай. Сорт называется «Пыль грузинских дорог». Язык сразу деревенеет, кору дубовую, что ли, в чан натолкали, но сейчас — вкусно. И просто пить уже хотелось, вдохнуть горячего аромата, хоть и банным венником, лиственной прелью отдает слегка. Шли за добавкой и наливали без ограничений.

Асфальтовая дорожка вела по темному лесу в сторону от штаба. Впереди мелькал костерок небольшой. Странная толпа, накрывшись матрасами, передвигалась по ночному лесу. Приглушенные голоса.

Пламя распластывало косые разрывы темных теней, аспидные капюшоны раскрывало или сдирало шкуру с фантастического зверя, трепетало невесомыми перепонками летучего дракона или огромными крылами ангела ночного — лика не видно.

Я поднял голову. В светящейся пыли колючего света были видны мелкие точки звезд. Они переливались, искрились зернышками сахарного песка на черном небе.

Кто-то промчался от звезды к звезде, пыль поднял. Пока уляжется. Под ногами сплошная темнота, ступать надо было осторожно. Черника вбирает этот мрак по ночам, делает его вкусным, таинственным, нежным и хрупким.

Глубоко вдохнул чистый, холодный воздух леса. В темноте красивыми, стройными рядами располагались палатки. Они были установлены на сколоченные квадратами настилы. Доски серые в темноте, из палаточного нутра виднеются, долго, видать, ждали своего часа. Их развернуло кривыми пропеллерами, концы некоторых своевольно вытянули гвозди из брусков. Между высоких сосен прокопаны канавки, дорожки присыпаны веселым песочком.

Луна нахальная выкатилась, светила мощным прибором ночного видения сквозь высокие стволы, будоражила неласковым, холодным серебром мертвенного сияния.

Огоньки сигарет красными тихими трассерами рисуют причудливые изгибы, высвечивая губы, подбородок. Часть лица выхватит коротко совсем, не узнать человека. Затяжка, ярче, и снова алая точка темнеет, наливается бордовым чуть в стороне от говорящего, кривой невесомый цилиндрок пепла изгибается, бесшумно падает во мрак под ногами.

Давно не выбирался на природу. Вон сколько восторгов! Поначалу спать прилегали, завернувшись в одеяла, не снимая сапог. Прямо на матрасы. Доски жесткие, щелястые. Ночь холодная, от озера тянуло студеным неуютом, туманом, заползавшим на склон горушки.

В палатку набивались новые люди, видно, на всех не хватало места.

Вскоре расселись внутри кружком, спина к спине вокруг центрального стояка, сжались, чтобы сберечь тепло, хоть как-то согреться. Забывались коротким сном, кто-то соскальзывал, падал с настила, перегруппировывались,

ворчали во сне незлобно, поджимая ноги под себя. Маета и возня постоянная, беспокойная, как в курятнике без крыши и на тесном насесте.

Сквозь чуткую дрему были слышны приглушенные звуки: кто-то в темноте перелезал через забор, гремел сапогами по доскам, подтягивался вверх. Потом доносился из леса глухой топот, хлесткие звуки веток наперекор, будто комаров отгоняют. И снова — беспокойная тишина.

Под утро раздался сильный треск и грохот. Спросонья повскакивали, боролись с одеялами. Вываливались из палаток, путались в шторках, переполошились, решили, что проспали тревогу. Смешно, как-то по-домашнему озирались очумело.

Оказалось, несколько человек разом влезли наверх, один пролет забора не выдержал, вывернулись винтом верхние крепления из балок, торчали из бетонных столбиков вырванные пластинки. Через эту могучую брешь, сильно топя застоявшимися за ночь ногами в сапогах, умчалось в рассвет много людей. Кто-то был в форме, а кто-то еще в гражданском платье. Лихим лосиным стадом, не таясь, даже не заботясь о маскировке, ломая в отчаянных прыжках ветки, петляя, махая руками, молча, но стараясь не столкнуться с другими. Некрасиво, постыдно и не по-мужски.

И досада, что сон утренний потревожили, с таким трудом занявшийся на ласковом раннем солнышке.

Легкий иней посеребрил снаружи линияющую ткань палаток. Туман белый почти незаметно напозл невесомой периной, прикрыл людское безобразие, крадась между высоких стволов. Лес редкий, сосновый, деревья высокими мачтами, ветки только вверх.

Может, и не к месту, но трудно не заметить искристую эту красоту.

— Через два часа придут в плен сдаваться, — тихо сказал кто-то сзади, позевывая.

— На «губе» — не в окопе. И к кухне поближе!

— Не скажи, на какого выводящего нарвешься! Да и неизвестно — поймают их или нет!

Нехотя занялся рассвет. Беготня прекратилась. Следы в зеленой траве местами были ярче, без росистой проседи. Там, где пробежали отчаянные «партизаны».

Пришел дородный старшина, морда красная, усы в седой муке, и с ним белокрысый гибкий сержант.

— Все говно к озеру унесло, — присел старшина, глянул на пробелы в траве. — Ниче, всплывет вскорости! Говнецо-то, известно, — не тонет!

Со стороны леса в пролом вошел худощавый мужчина лет двадцати трех. Загорелый по-южному, до коричневой смугловатости. Роста чуть выше среднего, черты лица правильные, славянские, если бы не нос, слегка удлиненный книзу, несколько унылый, отчего в лице просматривалось что-то восточное. Форма сидела на нем ловко, не мешком.

— Решил вернуться? — засмеялись ему навстречу с помоста.

— Передумал? Совесть загрызла?

— Старшины испугался!

— Да не-ет! Видишь — с соседнего хутора, с танцев возвращался, да заблудился! — возражали другие. — В густой чаще немудрено!

Весело его приветствовали, словно обрадовались даже, что не все одинаковые тут. И стыдно было за ту кодлу — вполне могло быть и так, только об этом промолчали мужики, позабавились вслух, солидно, не пацаны ведь уже, а тут — все развлечение какое-то.

Без этого тоже нельзя в окопе.

— Пробежался с утра, — серьезно ответил незнакомец, зарумянившись сквозь загар. — С утра привык трешку бегать. — Рукой махнул в сторону озера.

— От! Не все же гады! — сказал старшина с гордостью.

— Чем больше дырок в заборе, тем труднее скрыться, — сказал я.

— От это уж точно! — согласился старшина. — Толкотня начнется. Я молодой когда был, на танцы пойдешь, бывало, ну как на танцах не подраться! Это ж, значит, и нет танцев, без драки. Так быстро скумекал — чем больше об тебя желающих кулаки почесать, тем меньше синяков получишь! Вот такая философия жизни! — закончил многозначительно и непонятно.

Привлекли четверых человек. Потом еще несколько бойцов захотелись помочь, должно быть, чтобы согреться, подвигаться. Кое-как прикрепили пролет к столбам.

Матерился вслух сержант, ходил вокруг, обзывал «дезертирами», «изменниками» и «вражинами» тех, кто скрылся. Незлобно, без пафоса, но насыщенно, изоцренно и с обилием суффиксов, так только в армии и могут ругаться, скорее от неудобства, оттого, что пришлось отложить другое занятие, конечно же очень важное, и заде- лывать срочно эту «вражескую» пробоину.

Впрочем, в армии все бегом, срочно — и в итоге неспешно, потому что летит команда «приступить», а вслед, обгоняя, успеть бы опередить, другая — «отставить».

— Залупить палатки! — скомандовал старшина.

Пологи приподняли по сторонам, обжигаясь холодной с ночи тканью.

На помостах молчали, зябко ежились, пытались выкроить немного сна. Там была своя правда, но уже вставали, понимая — сна не будет.

Разминались, хрустели трескучими склейками затекших суставов, бегали, впечатывая сапоги в песок, махали руками по-птичьи, кровь разгоняли, уснувшую ночью, стараясь согреться. Пытались очиститься от синих катышков старых одеял, а они, будто бы неуловимые атомы, из воздуха материализовывались, и справиться с ними было невозможно.

На том берегу озера просыпался город, неслышимый отсюда, беззвучной картинкой плавно плыл на понтоне белого тумана, розовеющего с одного края нежным оттенком утреннего света.

Воды не видно, но это она — парит: крышку слегка приподняли, и пар выплывает медленными клубами из огромной кастрюли глубокого озера.

Вставало солнце, тепло прокрадывалось робко к веткам черничной поросли под ногами, сгоняя студеною росу между редких сосновых стволов к верхушкам кустов. Кошмар странных видений и прохлада ночи отступали. Становилось веселее. Вот уже и вода заблестела ярко, но обманчиво, еще не прогрелась до песчаного дна.

Пели птицы, сходили с ума от своих песен. Весной природа распахнута навстречу любви и уязвима в этой открытости миру.

Знали бы, что не скоро птиц услышат, может, и спать бы не легли вовсе...

Люди в измятой несуразице хаки слушали, не замечали, а прислушивались к чему-то со стороны штаба, копили тепло впрок, аккумулялировали, как солнечные батареи.

— Скоро такие трели услышим... — тихо предрек рядом незнакомец и руку протянул: — Петр.

— Владимир. — И спросил вдруг: — Тебя кто прислал?

— Жена.

— Чья?

— Твоя.

— Не понял? — насторожился я.

— Береги, говорит, мужа моего. Один он у меня. От так.

И — к тебе... к вам, то есть, направила. Шутка. — Улыбнулся.

Криво получилось из-за скошенного носа, но как-то доверительно. Хотя оброненное «к тебе» не удивило.

— Шутишь?

— Серьезно. Скоро поедем.

— Куда?

— На погибель! — И глянул серьезно, глаза в глаза. — К херувимам. Мучительно и надолго. На всю оставшуюся жизнь хватит.

Он знал тайну, но пока не делился.

— Ну уж... не пугай! Рассказывай давай, вещун-пришелец.

Глаза большие, серые, крапинки темными брызгами вокруг радужки. Выдержал долгую паузу:

— На Чернобыльской АЭС произошла авария. Поврежден один из атомных реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий. Пострадавшим оказывается помощь. Создана правительственная комиссия.

— Уверен?

— Полностью. Дословно передал. Как в новостях было.

— А я и внимания не обратил.

— Диктор в красном. В очках. Стрижка такая короткая... Вспоминай, вспоминай... не ленись! Двадцать восьмого передали, как обычно, в девять вечера. Ровно семнадцать секунд. На память пока не жалуюсь...

— А может быть — диверсия? Нас же готовят постоянно к такому сценарию. В любой момент могут отмотблизовать... Но, может быть, перемудрили в ожидании внешнего врага да сами же и совершили эту диверсию, переусердствовали, поймали себя за хвост? Запросто!

Построили редуты против врага, а «пятая колонна» незаметно выстроилась в тылу, да не сразу распознали, что она действует, стенку строит сзади, а внутри-то все порушено... и врагов внешних не надо. Как говорится — все секрет и ничто не тайна.

Какая страшная, разрушительная сила лукавства сокрыта в таком положении!

* * *

В роте радиационно-химической разведки тридцать человек. Два взвода.

На завтрак скомандовали. Прошли условным строем, вразвалочку, не особенно утруждаясь выправкой.

Завтракали уже вместе, своим составом. Ряды столов, скамейки. Днем веселее, тепло. Котлы с горячей водой, кран открываешь — красота! Пар горячий в радость. Так бы и плескался, согреваясь сам, через руки. Рукава засучили, солидол с новеньких котелков отмывать начали. Бродя бы не пахнет смазкой.

Я себе навалил пюре, синеватого, но еще теплого. После сна в лесу — объеденье! И килька в томате. Когда же ее в последний раз ел? Кажется, на втором курсе. Вкусно-то как! «Студенческий лосось», «на рубль тыща голов»!

Ходила между котлов женщина-прапорщик. Маленькая блондинка в тесной форме. Галстук, засаленный возле узла, топорщится, норовит вылезти, на грудь высокую взгромоздиться, усестся удобней. Приятно ей: столько мужиков — внимание!

Веселая, щекастая, упругая, как теннисный мячик в кулаке. Пальчики детскими молочными сосисками — розовенькие. Внесла оживление в сугубо мужской коллектив, спросила:

— Вкусно, бойцы? Добавка есть! Можно подходить!

Бойцы молчали, ели. Она несколько раз повторила это предложение, пока кто-то не нашелся, пошутил ей в спину:

— Мужчины готовят лучше, а женщины — постоянно.

И засмеялись, дружно грохнули, раскатистое эхо между сосенок поскакало весело, разрядили обстановку.

— Остроумно! — покачала она головой, мелькнула на висках заколочкой пестренькой из-под пилоточки кокетливой, пошла по дорожке к штабу.

Командир — кадровый, капитан Бармин Александр Сергеич. Худощавый, лысина, кисти рук большие, лопатой. Похож на художника Рериха. Только нет козлиной бородки и скулы поменьше.

Остальные из запаса. Возраст разный. Почти все семейные, дети есть. У троих даже по трое, у одного — четверо, у многих по двое детишек. Как-то сразу про себя отметил это обстоятельство, список просмотрел, фамилии пока не запомнил, а это тут же щелкнуло.

Не должны были брать, если двое деток, таков порядок. Но уж если загребли, значит, и впрямь не так оно все гладко. Нашлось и мне место в строю — заместитель командира. Списки, списки. Командир часто убегал в штаб, остальные тянулись к нему, спрашивали, а он толком ничего не говорил, может, туману нагонял, а может, не велено было пока доводить до личного состава.

Главное преимущество личного состава — все доведут. В свое время!

Про то, что сказал Петр, словно занозу вогнал, шип толстенный от головы до пят, думал я теперь постоянно.

Петр оказался в моем подчинении, водителем. Ходил все время где-то рядом, за спиной.

Грамотно ходил, не путался, не мельтешил. Ординарец. Положено заму командира роты в боевых условиях.

Потом на технику, в парк двинулись. Предстояло расконсервировать ротный БТР.

Нашлось пятеро шоферов и любителей техники. Остальные подлезали под руки, мешались. Молчали, копошились, наблюдая ясность простых движений, но не понимая их конечного смысла. Делали вид, что интересно, советы разные давали — бесплатные. Негромко чего-то обсуждали, лица серьезные, курили в кулак.

Смысла пока особенного не было вообще, потому что конечный итог усилий назывался безлико — погрузка личного состава в эшелон для следования в район сосредоточения. Где этот район? Точно не доведено.

Для чего и почему там сосредотачиваться надо? Вот что было главным, заботило!

«Неужели и впрямь Петр окажется прав?» — тревожила мысль, но я гнал ее от себя, не хотелось верить, да и реально, что же произошло там, на АЭС, не знал. Или перестраховка? Ну, съездим, проживем в палатках, не убудет же. В кои-то веки. Может быть, зря себя терзаю, не так все страшно.

А уже летели и ехали врачи-гинекологи к месту аварии, срочные меры принимать. Всем беременным до трех месяцев — аборт. Скрытно, без громких заявлений. И гнали эшелон со спецназом запаса ПрибВО, чтобы охраняли они будущих ликвидаторов, а попросту — зэка. Однако отказались спецназовцы наотрез, пусть, мол, «ВВ» этим занимаются, «высокая вышка», Внутренние войска. И отпустили грозную силу, только приказали в случае острой необходимости явиться незамедлительно.

Так тоже могло быть.

А сейчас в ангаре знакомились, но — без списка, узнавали друг про друга. Держаться уже стали наособицу от других, своим подразделением.

Между тем техника задымила, изрыгнула брызги масла, сизое облако из порыжелой выхлопной трубы выстелилось по бетонке перед боксами, затарахтела, затряслась припадочно, но ожила, потом успокоилась, вошла в нормальный ритм.

Ответственное хранение техники закончилось.

Где ритм — там жизнь.

Даже веселее стало немного, наметилась перспектива реального движения.

Ефрейтор Воронин, закоперщик процесса, невысокий мужичок-лесовичок, голубоглазый, ладный такой, вызывающий уважение молчаливой сосредоточенностью, улыбался довольно.

— Можно ехать, — выкрикнул, руки ветошью обтер неспешно, вокруг услышали, тоже заулыбались.

— Ну вот — есть у нас свой зампотех! — тоже улыбнулся ротный, фиксой желтой сбоку блеснул.

Три «козлика», ГАЗ-69, завелись быстро, ладный ГАЗ-66, бортовой — тоже не подкачал. Он мне давно нравился, помнил, как на таком возили обед по танковой трассе! Надежный вездеход, маневренный, с хорошей проходимостью.

Незаметно для себя начал я думать об этом.

Пока возились с техникой, старшина получил суточные пайки в серых картонных коробках. Это уже в эшелон. Стали грузиться.

Команда на выезд поступила ближе к вечеру.

Полковая колонна состояла из нескольких грузовиков, загруженных людьми, и «козликов» командования. Люди в форме облепили БТР, устроились наверху, собрались прокатиться с ветерком, но не тут-то было. Передвигаться надо было по городу, всех с брони согнали в грузовики, старших по бортам выкликнули. Приструнили.

Содержание

ХИБАКУША	
(Роман).....	3
ГИТА	
(Повесть).....	187
РАССКАЗЫ.....	249
АВВА.....	251
Апрель, полет, жизнь.....	259
Илия.....	269
Саид.....	276

Литературно-художественное издание

Валерий Петков

ХИБАКУША

Выпускающий редактор Е. Пучкова

Редактор Б. Геласимов

Корректоры О. Наренкова, О. Шепитько

Компьютерная верстка Е. Климентьева

Художник К. Прокофьев

Подписано в печать 20.10.2019. Формат 60×90/16

Печ. л. 18. Гарнитура «Journal».

Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом “Городец”»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1

www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru

тел.: +7 (985) 8000 366

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский Печатный Двор».

142300, Московская область,

г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru

тел. +7 (499) 270 7359

С мая по июль 1986 года Валерий Петков работал в «Черной Зоне» ЧАЭС в качестве заместителя командира роты радиационно-химической разведки. Большой удачей автора книги можно считать редкое сочетание достоверности и художественности одновременно. «Хибакуша» – роман о первых, самых трагических днях и неделях после катастрофы на Чернобыльской АЭС: о подвиге и предательстве, преступной калатности и благородном самопожертвовании, о верности и вероломстве, о любви и Боге.

Помимо романа, в сборник входят повесть «Гита» и рассказы. Пытливое постижение огромного мира вокруг, первые открытия, переживания на пути взросления и самоутверждения – таковы темы повести и рассказов Валерия Петкова. Внешне простые, наполненные очарованием новизны, обаянием детскости, они притягивают читателя на свою орбиту, делая его добрее.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907085-27-5

9 785907 085275

www.gorodets.ru